

Виктор Точинов
Записки Черного Охотника

Медиа СТО

Виктор Павлович Точинов

Записки Черного охотника

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48517541

Аннотация

Охотники сидят у костра и рассказывают странные истории, случавшиеся с ними на охоте. И одновременно с ними происходит история новая: загадочный Черный Охотник бродит где-то рядом...

Содержание

Пролог	4
I. Охота на зайцев по первому снегу	12
II. Охота на диких коз	49
III. Охота на пролетных гусей	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Виктор Точинов

Записки Черного Охотника

Пролог

Охотхозяйство «Бежинское» для питерских охотников – как дельта Волги для рыболовов, как Грушинка для любителей бардовской песни, как KaZантип для любителей... ну, все знают, что они там любят.

Проще говоря, Бежинские озера, – место паломничества, особенно в дни открытия осенней охоты на водоплавающую дичь.

Сюда ездят не просто за добычей... Стрельба важна, без нее бы никто не приехал, но все же не только она манит в Бежинку людей, помешанных на охоте.

Здесь встречаются со старыми знакомцами, рассказывают о достигнутых за год успехах, слушают ответные рассказы...

Обсуждают новинки в технической составляющей охоты, хвастают новыми ружьями (порой это раритеты старых мастеров, чудом найденные в рабочем состоянии), новыми утиными манками и прочими аксессуарами.

Здесь знакомят охотничье сообщество с новыми своими собаками, выводят их, так сказать, в свет, – как юных аристократок на первый бал; и сравнение не взято с потолка: ро-

дословные у здешних дебютанток случаются подлиннее, чем у иных графинь с баронессами...

Здесь поминают четвероногих друзей, ушедших за год в Край Вечной Охоты.

И просто друзей, ушедших за этот год, – тоже поминают.

И, разумеется, у костров, горящих во множестве на Бежинском лугу, звучат охотничьи байки... Здесь можно услышать истории, порой основанные на реальных событиях, лишь приукрашенных буйной фантазией, порой целиком и полностью выдуманные. Порой забавные, порой страшноватые... самые разные. Но звучат охотничьи истории всегда, без них какая охота?

В «Бежинское», в отличие от многих других хозяйств, не заманивают разного рода экзотикой. Не растят в вольерах маралов, или благородных оленей, или хотя бы косуль. Не выпускают под ружье необычных для Ленинградской области птиц, – фазанов, например.

Зимой и по осеннему чернотропу бывают охоты на зайца (порой и лису-огневку удастся заповлевать, но не слишком часто), весной можно постоять на вальдшнеповой тяге или пострелять селезней из-под подсадной... А сейчас, на открытии осеннего сезона, охотничья классика: заря, налетающие табунки уток, – и всё. Однако едут...

Казалось бы, странно, – приезжают порой охотники, кому доводилось за истекший год не только медведей с лосями стрелять, но и слонов-львов-носорогов добывать на аф-

риканских сафари, а тут какие-то плебейские кряквы с чирками...

На деле же ничего странного нет. Почти каждый, впервые взявший в руки ружье, начинал с уток. Самая доступная для новичков дичь, не требующая ни особых финансовых вложений, ни опыта и досконального знания охотничьих премудростей... Зорьки на утиных перелетах – как первое свидание с первым поцелуем: не позабудешь. Только на первом свидании уже никогда не побываешь вновь, а на осенней охоте на уток – почему бы и нет?

Удивительно, но осенняя охота начинается летом. Или не удивительно? Празновали же мы Великий Октябрь в ноябре, да и Ленинградская область, где находится охотничье хозяйство «Бежинское», уж третий десяток лет существует без Ленинграда...

Короче говоря, осенняя охота у нас обычно открывается в предпоследний уик-энд августа. В субботу, но не в полночь, когда суббота начинается, а, по заведенным в хозяйстве правилам, – утром, на заре...

К сожалению, некоторые молодые охотники имеют превратное понятие о том, что такое заря. Позиции для стрельбы занимают еще на исходе ночи, стоять в темноте скучно и грустно... Чуть порозовело небо на востоке: вот она, заря! Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах! По свисту крыльев в темноте, по плеску в тростнике...

Иногда такая дурная пальба завершается очень печаль-

но... И безвинно павшая собака-медалистка может оказаться еще не самым плохим исходом... разное на охоте случается.

Для того, чтобы «разного» случалось поменьше (а в идеале не случалось вообще) я и шагаю сейчас по Бежинскому лугу. За спиной у меня двустволка-вертикалка, но это лишь оттого, что человек без ружья будет смотреться здесь странно и нелепо. А стрелять посветлу в подлетающие утиные стайки я не буду, моя вахта к тому времени закончится.

Да и разлюбил я убивать уток, тем более здешних, на глазах выросших...

Центр Бежинских охотничьих угодий охватывают громадной подковой три озера, – мелководные и заболоченные. Некогда они составляли единый водоем, но многолетние усилия по мелиорации заболоченных земель Ленобласти не остались без результата: иссохли окрестные болота и питавшие озеро ручейки, оно сильно обмелело и разделилось натрое. На осушенных болотах, кстати, так толком ничего и не выращивают, паршивая там урожайность...

Зато на трех обмелевших озерах получился самый настоящий рай для водоплавающей птицы; множество корма, множество укрытий для растущего поколения пернатых.

Однако сколько бы птицы ни разводилось тут за весну и лето, стрелков по осени приезжает столько, что дичь они станут выбивать в количествах, подрывающих естественное воспроизводство... Поэтому в селе Бежинском построена

птицефабрика, выращивающая утку-крякву: стадо производителей, инкубаторы, вольеры для молодняка, все по науке...

Подросшую молодежь выпускают в уголья не под самую стрельбу – кому интересно стрелять практически ручных птиц, привыкших видеть в человеке не угрозу, а источник корма?

Выпускают заранее, недель за пять до открытия сезона. За это время питомцы фабрики успевают смешаться с «дикарями» в единые стайки, – и быстренько перенимают осторожные повадки вольных собратьев, дичают...

Разумеется, затраты на воспроизводство дичи включены в цену охотничьих путевок. Но никто не пеняет на дороговизну. Роскошная здешняя стрельба того стоит... В бесплатных «диких» угольях одна-две утки за зорьку – результат очень приличный. А если не повезет, можно и вообще без добычи уехать. Здесь же, в «Бежинском», даже средней руки стрелки без проблем набивают за утро дневную норму: семь упитанных крякашей.

Я иду по протяженной луговине и она похожа на ночной бивак армии старых времен: костры, костры, повсюду костры... И рядом с ними люди с ружьями.

На охотничьей базе, раскинувшейся поодаль, на холме, есть благоустроенные удобные домики. И баня есть с сауной, и столовая, при нужде превращающаяся в банкетный зал, и многое другое... Но сегодня, в канун открытия сезона, по-

что все проводят ночь у костров. Традиция.

Подхожу то к одному костру, то к другому, иногда задерживаюсь, если там звучит история, интересная и не слышанная прежде... Но многие бородатые байки я уже знаю и тогда шагаю дальше. Приглядываю, чтобы здесь, в месте, где собралось множество мужчин с готовым к стрельбе оружием, не произошли какие-либо эксцессы... Потому что на охоте случается всякое. Моя задача – чтобы здесь и сейчас не случилось.

Про утреннюю предрассветную стрельбу, чрезвычайно опасную, я уже поминал. Но черед этой заботы придет позже, на излете ночи. А сейчас стоит приглядеть за другим...

Дело в том, что несколько лет назад законодатели вдруг спохватились и внесли изменения в Федеральный закон об оружии. Теперь с охотничьими ружьями та же история, что с автомобилями: выпив, нельзя браться ни за руль, ни за шейку приклада... Иначе можно заплатить немалый штраф и лишиться прав (в нашем случае – лицензии на приобретение, хранение и ношения ружья). С одной стороны, правильно. Львиная доля того самого «всякого случившегося» стряслась как раз по пьяному делу.

А с другой стороны, громадный пласт русских охотничьих традиций связан со спиртным. Может, виноваты в том холодный климат и множество видов зимних охот, когда трудно удержаться и не согреться. Может, общий наш менталитет так отражается... Не знаю, не мне судить. Но многим попро-

сту не представить охоту без традиционной первой «стопки на крови», отмечающей первого взятого зверя или птицу, – под не менее традиционный тост: «С полем!»

Охотники относятся к нововведениям по-разному. Одни ругаются, но выполняют предписанное, лишь жалуются потом на охотничьих форумах: вроде бы и охота такая же, а настроение совсем иное... Другие рискуют и охотятся по-прежнему, в надежде что пронесет, что не попадетсЯ на пути охотинспектор с алкогольным тестером... Иногда проносит. Иногда нет.

А вот у охотничьих хозяйств отношение к законодательной новации однозначное. Потому что если штраф для пригубившего и пойманного на этом деле охотника исчисляется в тысячах рублей, то должностных лиц, организовавших охоту и допустивших нарушения на ней (в нашем случае – для администрации о/х «Бежинское»), – штрафуют на сотни минимальных окладов. Почувствуйте, как говорится, разницу.

Так что сегодня на Бежинском лугу действует жесточайший сухой закон. Завтра – пожалуйста, если отстрелялся и душа горит, можешь пить, хоть свое, хоть приобретенное в здешнем баре. Но сначала сдай оружие на ответственное хранение работникам базы.

Сдают, а дальше уж по-разному получается: одни выпьют свою «стопку на крови» – и снова за стрельбу, благо к вечерней заре эта единственная стопка без следа выветрится...

Для других любителей охота на том завершается – и начинается не менее увлекательный заплыв по волнам алкогольного моря. Но как бы ни повернулось дело, никто не получит назад оружие, пока алкотестер (идентичный с теми, что используют инспектора) не покажет допустимое значение алкоголя в крови.

Я иду от костра и костру и зорко приглядываю: не намечаются ли где проблемы?

И вижу: таки да, одна уже наметилась...

I. Охота на зайцев по первому снегу

Первую наметившуюся проблему решили без моего участия.

Молодой охотник – лицо растерянное, губы подрагивают – держит в руке коньячную бутылку, небольшую, четверть-литровую. Бутылка перевернута, коричневая струя льется на жесткую осоку и вскоре иссыкает.

Обычно здесь у каждого костра собирается компания, во главе которой свой неформальный лидер, охотничий гуру, чье слово – закон (есть и исключения, небольшие компании примерно равных по статусу стрелков, но они редки).

Этой группой уже несколько лет заправляет отставной майор Юрий Васильевич Стасов. Военная косточка, у него не забалуешь...

В охотничьем деле экс-майор понимает не меньше, чем в дисциплине: двадцать лет прослужил на Крайнем Севере, на каком-то секретном объекте. И охоты там у него бывали, по рассказам, прямо-таки баснословные. Да и сейчас не плошает, один из лучших стрелков собирающегося в Бежинке сообщества, а мастеров стрельбы здесь хватает.

– Ты уж выбирай, Миша, – жестко говорит Стасов, – со мной ты на охоту ездешь или с выпивкой. Но если ее все-

таки выберешь, так лучше и не езди никуда... Пей дома, на люди не показывайся, тем более с оружием.

Здесь все в порядке... Иду дальше.

– А что Виталик-то нынче не приехал? – спрашивают у другого костра. – Заболел?

– Да нет, жив-здоров... – звучит ответ. – Он сейчас за зайцами по чернотропу подался. Похоже, братцы, потеряли мы Виталика... Гончака же он завел, на зайцах-лисах помешался, только о них все разговоры, крякашей уже за дичь не считает. И тусуется теперь с компанией зайчатников...

– Зайчатники... – повторяет охотник средних лет; он из деишних завсегдатаев, я знаю его в лицо, но не могу вспомнить имени, а может, и не знал никогда. – Рассказали мне минувшей зимой про одну компанию зайчатников... Небольшая такая компания, тесная, чужому на охоту с ними не попасть. И очень странные мне вещи о них говорили, доложу я вам... Даже не знаю, верить или нет. Но за что купил, за то и продам... Ну, значит так: их пятеро и зимой ездят они на охоту исключительно поездом...

Присаживаюсь на конец бревна, лежащего на биваке. История свежая, я не слышал... И, действительно, более чем странная.

1. Витебский-Главный – Сортировочная

– Баловство, – сказал Капитоныч, повертев нож и вернув

Веймарну. – Я их руками добиваю. За шкирятник приподыму и вот так вот позвонки ломаю. Хрусь – и все.

И он показал – как. Сжал пальцы левой руки в кулак, изобразил нечто вроде головы с шеей, а ребром правой ладони по «шее» легонько рубанул.

Капитоныч был мужик на редкость крупный и дородный. Фигура и длинные отвислые усы делали его похожим на моржа. Ладони размерами напоминали моржовые ласты, а кулак был с дыньку-«колхозницу». Такая ладонь и мамонту позвонки без натуги переломит, считал Славик. Он не любил Капитоныча.

Веймарн выглядел обиженным пренебрежением к своей обнове. И стал горячиться, доказывать, что нож хорош, и настоящей немецкой работы, и не здесь куплен... Он-то, Веймарн, вообще его не покупал, но даритель привез из Пассау, вот и клеймо – голова волка – имеется, и сертификат дома лежит, со всеми печатями.

Славик не стал разочаровывать профессора и говорить, что присматривался к точно такому же охотничьему ножу в оружейном на Апрашке. И голову волка осмотрел, и с сертификатом ознакомился... Славик понимал немецкий после школы с пятого на десятое, но все же уразумел: сделан нож хоть и под присмотром владельцев бренда, да не в Германии, а руками формозских китайцев... Знакомец профессора мог и не соврать, где купил нож: ничто не мешает продавать в Пассау клинки, сработанные за тридевять земель.

Сам Веймарн языком исторической родины не владел. За три века жизни в России Веймарны обрусели настолько, что из немецкого осталась у них лишь фамилия, да и та сто лет назад видоизменилась: с началом германской войны, когда Петербург обернулся Петроградом, предки Иван Ивановича поддались общему патриотическому порыву и отбросили приставку «фон». Петроград в конце концов стал снова Петербургом, но фон Веймарны так и остались Веймарнами...

– Все одно – баловство, – равнодушно ответил Капитоныч на горячую речь профессора. – Заяц не кабан, нечего об него нож марать. А коль за руки свои хирургические опасаясь, так прикладом сработай, и вся недолга.

2. Сортировочная – Проспект Героев

Проехали Сортировку, новых пассажиров в вагоне не прибавилось.

Электричка была не самая последняя, за ней с вокзала уходили еще две, но на Павловской развилке те уходили на другие ветки. Так что можно сказать, что последняя.

В вагоне пока находилась лишь их компания, но Славик знал: в Купчино, где метро, возможно подсядут еще несколько человек. Но наверняка вскоре сойдут, – пассажиры, что едут далече, все собираются в передних вагонах: платформы на дальних маленьких станциях короткие, на четыре вагона, иногда на шесть. Их же компания устроилась в самом конце

состава: тамбур за спиной был последним по ходу поезда.

3. Проспект Героев – Ручьи

На Героях снова никто не подсел, они и дальше ехали впятером.

Ездить на охоту именно в таком числе – традиция давняя, и если иные традиции в их компании иногда, в виде исключения, единожды нарушались, то эта – никогда.

Нерушимое правило соблюдалось уже не первое десятилетие. И даже не первый век, вот так-то...

Традицию привез издалека один из первых фон Веймарнов и внедрил на русскую почву в своем поместье под Ямбургом. Ничего сакрального цифра «пять» не содержала: именно столько людей вмещали охотничьи сани-розвальни фон Веймарна, – четверо седоков и кучер.

Езда на санях давно ушла в историю, да и место проведения охоты неоднократно менялось, – но охотились лишь впятером, и никак иначе. Если кто-то не мог принять участие: заболев, например, или уехав по срочному делу, – выезд откладывался до его поправки или возвращения.

Если охотник выбывал насовсем – по причине серьезной болезни, или старости, или смерти – к нему, или же на его поминки, приходили все четверо и справляли ритуал прощания... После чего выбывший навсегда исчезал из их жизни.

А компанию пополнял один из кандидатов, поджидавших

своей очереди. Так здесь очутился Славик, почти два года назад. Верность традициям, пронесенная сквозь войны и все катаклизмы, сотрясавшие страну, очень нравилась Славику. И нравилась бы еще сильнее, если бы не Капитоныч...

4. Ручьи – Купчино

Капитоныч был неформальным главой компании охотников и главным хранителем традиций. Он не обладал абсолютной властью и не мог навязать решение, противное воле большинства. Но имел право вето: если говорил нет – значит нет, не обсуждается.

Когда Капитоныч покинет компанию (Славик весьма надеялся, что радостное событие на долгие годы не отложится), хранителем традиций станет Иван Иванович Веймарн. По возрасту полагалось бы Валентину Арнольдовичу, но тот загодя отказался: дескать, здоровье уже не то, и он подумывает о завершении охотничьей карьеры... Так что он пас, и очередь переходит к следующему.

Да и то сказать, Веймарн лучше годится на роль главы коллектива: аристократ, голубая кровь, белая кость и все такое...

Только они двое, Веймарн и Капитоныч, были прямыми потомками самых первых охотников. Вернее, Славик подозревал, что предок Капитоныча был кучером, вывозившим охотников-дворян на заячью стрельбу... Какая уж тут голу-

бая кровь, смешно даже. Потомственное быдло.

Очень жаль, что Веймарн станет последним представителем своего славной фамилии в их рядах. Сын у него есть, но... Но там какая-то мутная история, Славику ее толком никто не рассказывал, слышал лишь обмолвки да намеки: не то сын с детства ненавидит охоту, не то что-то еще...

Обидно, до слез обидно, человек по фамилии Веймарн среди пятерых охотников – сам по себе живая традиция... Может, еще одумается непутевый отпрыск... Или вдруг профессор заведет себе позднего ребенка, ему в районе полтинника, но на вид еще ого-го, может и замутить с какой-нибудь молоденькой аспиранткой.

5. Купчино – Ольгино

Славик угадал – в Купчино и впрямь вошли несколько пассажиров, человек шесть или семь, но расселись поодаль, разговору не мешая.

А вплотную к охотникам не подсесть: впятером занимали весь шестиместный отсек электрички, поклажи хватало. Еще одна традиция предписывала: едешь на охоту на день, бери припасов на неделю. Соблюдали, и брали не только продукты, но и палатки, и спальники, – один раз старое мудрое правило выручило, когда случилась сильнейшая выюга, никакими прогнозами не предугаданная: разбили лагерь и больше суток пережидали непогоду.

После Купчино электричка поднырнула под КАД, и вскоре за окном замелькали поля, покрытые снегом и залитые лунным светом. Сердце Славика забило сильнее в предвкушении первой в сезоне зимней охоты.

Веймарн, напротив, завел речь об охоте минувшей, осенней:

– Я все же, господа, больше за зайцами по черной тропе ходить люблю... Казалось бы, и добыча осенью скудна, и шубки у зайцев по зиме куда лучше и в ценности с осенним заячьим нарядом не сравнимы, но все ж мне чернотроп милее. Воздух как хрусталь, грибами пахнет, журавли в вышине курлыкают, и вообще сплошной Левитан вокруг... Зимой не то.

– Зимой не то, – вроде бы согласился Капитоныч, но лишь для того, чтобы тут же выдать порцию быдлярской критики. – Зимой ты все сам делаешь, все своими ручками-ножками, по чесноку зайца берешь. А осенью? Его тебе собаки и унюхают, и загонят, и под выстрел выставят, – только спуск дернуть и остается. Сечешь, в чем разница? То-то. А Левитаном твоим я бы подтерся, да холстины у него жесткие. Не за Левитаном на охоту ездим.

Славику тоже больше нравилась охота осенняя, хоть и по иной причине: туда они выезжали своим транспортом, и можно было подгадать так, чтобы оказаться в разных машинах с Капитонычем.

Увы, идеальное для зимней охоты место находится в такой

бездорожной глухомани, что не только «мановар» Славика не пройдет, но и насчет «гарпии» Веймарна большие сомнения имеются. Они, наверное, могли бы в складчину приобрести какой-нибудь специализированный колесный вездеход, но... Но опять же традиция, заложенная еще в те времена, когда охотники о вездеходах и мечтать не могли: зимой – поездом.

– А мне по барабану: черная тропа, белая... – неожиданно заявил Гоша. – Я просто стрелять люблю. Ну и печенку кабанячью люблю, над углями запеченную.

Гоша, сорокалетний слесарь с «Балтмета», был редкостно молчалив. И что бы он ни сказал сам, не спрошенный, получалось всегда неожиданно. А стрелять он не только любил, но и умел изрядно. По результатам шел вторым после Капитоныча, тот был вне конкуренции.

Иван Иваныч посмотрел на Гошу долгим взглядом, и при желании во взгляде легко читалась мысль: да разве же только в стрельбе и в горячей ароматной печенке вся прелесть и поэзия охоты? Да, два ее финальных аккорда хороши, спору нет, – но разве это повод, чтобы пропускать мимо ушей всю симфонию?

Веймарн даже открыл рот и произнес что-то, наверняка сочувствуя Гоше, осуждать он никого не любил, – но слова профессора перекрыл громкий мертвый голос из динамика, поведавший, что электричка прибывает к станции Ольгино, и выходить надлежит с левой стороны.

Повторять Иван Иванович не стал, и Гоша остался без своей порции сочувствия. Да и не нуждался в ней, наверное.

6. Ольгино – 21-й километр

Следующую остановку – впрочем, недолгую – проехали в молчании. Словно Гоша дурацкой репликой поломал всю беседу. На деле было не так. Слишком мало у них находилось тем для разговора, чересчур разные люди, ничем, кроме охоты не связанные. А уж про охотничьи дела за многие совместные выезды говорено-переговорено, по третьему кругу повторяются... Лишь Славику, с его недолгим опытом совместных охот, многое было в новинку. Но и он голос не подавал, опасаясь привлечь внимание Капитоныча. Человек-морж молча долго не просидит, живо начнет искать, до кого бы докопаться.

7. 21-й километр – Мариенталь

Докопался Капитоныч до Валентина Арнольдовича. Заметил вдруг, что тот с самого вокзала не проронил ни слова, и лицо мрачнее тучи. Немедленно спросил: что случилось с любезным коллегой? И тут же, не давая ответить, предположил: а не изменяет ли Валюше жена?

Судя по кривой ухмылке Гоши и плотно сжавшимся гу-

бам профессора, они с супругой Валентина Арнольдовича встречались, и если не оценили шутку, то хотя бы поняли.

Славик сей достойной даме представлен не был, и смотрел на Валентина Арнольдовича со слабой надеждой: вдруг Капитоныч наступил на такую большую мозоль, что сейчас получит по зубам?

Увы, не получил...

Валентин Арнольдович лишь помрачнел еще больше и ни слова не произнес в ответ.

Капитоныч не унимался: надо, непременно надо Валентину Арнольдычу завести себе плакат с издалека заметной надписью «Я НЕ ЛОСЬ!!!»

И привязывать тот плакат к рогам. Во избежание. А то ведь на охоте всякое случается...

Валентин Арнольдович молчал.

Капитоныч продолжил изоощряться в остроумии. Но ответа так и не услышал. Никто иной тему тоже не стал развивать. И помаленьку запас шуток юмора иссяк.

А со Славиком вдруг приключилось озарение...

8. Мариенталь – Курорт

Со Славиком приключилось озарение. Толчок к нему дал Капитоныч, сам о том не догадываясь. Наверное, Капитоныч считал все только что сказанное невинными дружескими подколками... Но невзначай высказал серьезную и дель-

ную мысль. Случается такое. Даже стоящие часы дважды в сутки показывают правильное время. Даже в быдлярском словесном поносе может сверкнуть драгоценное зерно истины...

Славик не побрезговал зерно поднять и оттереть от коричневой липкой субстанции. И теперь разглядывал его так и сяк, потеряв интерес к дальнейшему разговору, вообще не его не слыша.

Он вертел подобранную мысль, и та, как самоцвет, поблескивала своими гранями.

На охоте всякое случается...

Случается на охоте всякое...

На охоте случается всякое...

У них пока – за то время, что Славик ездит с компанией, – пока ничего всерьез неприятного не случилось. Пока не случилось... Но кто-то ведь сказал, Славик не помнил, кто: все плохое, что может произойти, непременно когда-то произойдет...

И он выложил рядом с найденным в дерьме самоцветом второй, уже самолично ограненный.

С кем-то из них на охоте случится нехорошее... Несчастный случай, называя вещи своими именами. Рано или поздно с кем-то произойдет. Закон больших чисел вступает в действие: чем дольше охотник ездит на охоту, тем выше у него вероятность расслабиться, пренебречь правилами безопасности, – и угодить под заряд картечи, например. Обыч-

ное дело, особенно по пьянке.

Конструкции из двух самоцветов (да что там самоцветов... бриллиантов!) явно не хватало завершенности... Недоставало третьего, связующего элемента.

Славик отыскал его без труда, финальный вывод прямо следовал из предшествующих.

Что значит «с кем-то произойдет»? Кто тут дольше всех ездит на охоту? Капитоныч. Кто умудряется нализаться не то что до завершающих посиделок у костра – но даже до начала стрельбы? Опять же Капитоныч. Метко стрелять это ему каким-то чудом не мешает, но речь не о том. Получается, что Капитоныч в группе риска. Повышенного риска, запредельного. И если что-нибудь случится, то непременно с ним...

Три мысли-бриллианта устремились друг к другу и слились в огромный и сверкающий Кохинур.

Славик опасливо оглянулся по сторонам: не увидел ли кто блеск сокровища?

9. Курорт – Большое Кузьмино

Пока Славик разбирался с бижутерией в своем мозгу, разговор вновь увял, да и был он не разговором – издевательским монологом Капитоныча.

После долгой паузы, уже на подъезде к Кузьмино, Веймарн положил руку на плечо Валентину Арнольдовичу, спросил негромко и сочувственно:

– Суставы?

И оказалось: одно по-доброму произнесенное слово способно сделать больше, чем все потоки липкого и коричневого... Валентина Арнольдовича прорвало: да, да, суставы, черт бы их побрал, у него единственная проблема, вернее две единственных проблемы – одна в левом колене, другая в правом...

10. Большое Кузьмино – Сарская Мыза

Про проблему Валентина Арнольдовича они знали давно. Когда Славик стал полноправным охотником, проблема уже стояла в полный рост. А вот Валентин Арнольдович уже тогда вставал с трудом – как-то нелепо поднимался со стула, широко раздвинув ноги, – иначе, при вставании обычным манером, в коленных суставах раздавался хруст, слышимый даже со стороны, и, по словам страдальца, весьма болезненный.

По ровному месту, однако, болезнь передвигаться не мешала, – и не только ходить, но даже бегать, и лишь при спуске по лестницам возникали легкие болезненные ощущения.

Минувшей весной недуг резко обострился. Славик не помнил его точное название, какой-то-там-артроз, но если объяснять на пальцах, то хрящ в суставах истерся и стал тонким, как бумага. Тогда Виталий Арнольдович и заговорил о завершении охотничьей карьеры...

Но доктора поставили бедолагу на ноги: курс таблеток, курс инъекций в суставы, – и по чернотропу он охотился наравне со всеми, хоть и видно было, что передвигается не как встарь, а с осторожностью.

Арнольдыч рассказал: теперь, в затянувшиеся межсезонье, ему опять поплошало... И этот выезд для него последний, едет на уколах. Жаль расставаться, столько лет вместе, но...

Врачи обещают операцию и новые хрящи, искусственные, из тефлона. Но он первым делом спросил докторов об охоте, и получил категоричный ответ: забудь. Ходить после операции будешь, вот и ходи, радуйся. По тротуарам ходи, на бездорожье не сворачивай.

Тут все дружно посмотрели на Ивана Ивановича. А на кого же еще смотреть при таких известиях, как не на знаменитого ортохирурга и травматолога?

Веймарн промолчал. Видать, врачи не соврали.

Но это значит... Это значит, что в их пятерке появится новичок.

Капитоныч удивленным не выглядел. Значит все знал, и, зная, – издевался. Гнида...

Гнида немедленно подтвердила догадки Славика: да, новичок появится, и очень скоро, не пропадать же сезону. Есть у него созревший кандидат. Отличный парень, и стрелять умеет...

Последняя фраза Капитоныча прозвучала незакончено,

оборвано... Словно хотел сказать «умеет, в отличие от коекого», но не сказал, передумал. Однако на Славика глянул вполне выразительно: мол, про твои охотничьи достижения еще поговорим, все впереди.

Славик понял: мелькнувшая у него надежда, что появится новый объект для издевательств, – беспочвенна. Капитонич приведет своего человека, а должность мальчика для битья останется за Славиком.

Валентина Арнольдовича теперь было уже не заткнуть... Жаловался, что не сможет прожить без охоты, зачахнет от тоски. Говорил, что будет иногда – потихонечку, полегонечку – ходить стрелять зайцев из засидки на краю капустного поля: если удачно выбрать место, парочку за ночь уложить можно.

Все вежливо соглашались. И все понимали: утешает себя, засидка – не то, адреналиновый всплеск совсем короткий: увидел зайца, выстрелил, и все. Несколько секунд за долгие часы ожидания. Зато суставы не напрягаются, что да, то да.

11. Сарская Мыза – Павловское

За разговором о бедах Валентина Арнольдовича и о грядущем обновлении рядов даже не заметили, как проехали Сарскую Мызу. Славик точно не заметил – глянул в окно, а там уж Павловское... Как будто телепортировались.

12. Павловское – Спасовка

Павловское – станция особенная. После нее Веймарну надлежало произнести ритуальную фразу, и он ее произнес. Фраза была проста:

– А не пора ли нам немного согреться?

Пить до Павловского не стоило – в вагон неожиданно мог зайти наряд городских полицейских, со всеми вытекающими последствиями. В Павловском наряд сходил с электрички, здесь заканчивалась их зона ответственности (заодно сошли и двое последних пассажиров, из тех, кто сел в Купчино).

Сегодня ритуал пришелся удивительно ко времени, и рассеял грустные мысли Валентина Арнольдовича... Или не рассеял, но хотя бы закруглил попытки остальных утешить коллегу.

Из профессорского рюкзака появилась бутылка бренди «Санта-Клер» и крохотные стопки-наперсточки, затем пакет с закуской.

Славик знал – исключительно по рассказам, разумеется, да и рассказывали ему с чужих слов – что некогда в их компании выпивали перед стрельбой полуштоф шустовского коньяка, что было на пятерых идеальным количеством. И дух поднимало, и стрельбе ничуть не мешало...

Потом, когда коньячно-водочная империя братьев Шустовых приказала долго жить, а прочие производители перевер-

ли свою тару на метрическую систему, наметилась проблема: бутылки емкостью ноль пять литра – маловато, ноль семьдесят пять – многовато, а везти с собой початую бутылку – такой же моветон, как и не распить ее до дна.

После долгих проб и экспериментов остановились на «сантаклеровке», как по-быдлярчи звал ее Капитоныч. Английская пинта с допустимой погрешностью соответствовала полуштофу: на пятерых как раз по четыре наперсточка каждому. А качество напитка удовлетворяло запросам Веймарна, другие могли бы обойтись и чем попроще.

Разливал, разумеется, профессор – кому ж еще доверить: рука не дрогнет, и дозы отмеряет с точностью до миллиграмма. Натренировался со скальпелем.

Капитоныч сказал, что и должен был сказать:

– Ну, вздрогнули!

И они немедленно выпили.

После первой не закусывали, традиция. А Капитоныч и после следующих доз к закуске не притрагивался, занюхивал воротником, – тоже традиция, хоть и не такая давняя.

13. Спасовка – Спасовка-2

Иван Иванович сооружал многослойный бутерброд: ломтик багета, ломтик сыра, ломтик болонской ветчины, – без дураков болонской, из Италии привезенной.

А Славик любовался профессорскими руками – вроде и

крупные кисти, но кажутся изящными, до того пропорциональны, – никакого сравнения с моржовыми лапами Капитоныча. Вот она, голубая-то кровь... Пальцы длинные, сильные... скрипачу-виртуозу под стать. Профессор, кстати, на скрипке играл, и для любителя очень неплохо.

Но покамест виртуозные пальцы отложили в сторону бутерброд и взялись за бутылку, накапав по второй.

– За удачу! – сказал Капитоныч полагавшееся, выпил и вновь уткнулся носом в меховую опушку воротника, надолго, секунд на пять-шесть.

Организм Капитоныча имел непонятную для Славика особенность. Вроде и пил Капитоныч наравне со всеми – а когда добирались до места, казалось, что заглотал раза в три больше прочих, как минимум.

У Славика имелись версии, объяснявшие странность.

Первая: такой уж метаболизм, повезло человеку, пьянеет с малого, экономит и деньги, и ресурсы печени.

Вторая: под охотничьей курткой спрятана плоская фляжка, а трубочка выведена в воротник, – и, якобы занюхивая, Капитоныч добавляет.

Третья, самая реалистичная: морж-алкоголик пьет накануне охоты, и развозит его на старые дрожжи.

14. Спасовка-2 – Святокоммунарск

После второй полагалось перекурить.

Курили двое из пятерых, профессор вынул массивный портсигар и оделил Капитоныча и Гошу двумя папиросами с длинными бумажными мундштуками, как бы даже и самокатанными.

Гоша с Капитонычем удалились в тамбур, а Веймарн, убирав портсигар, достал и быстро сунул Валентину Арнольдovichу нечто небольшое. Славiku показалось – визитная карточка, но он сделал вид, что ничего не заметил, что смотрит в окно.

Традицией им предписывалось общаться лишь на охоте, и никаких прямых контактов во внеохотничьей своей жизни они не должны иметь... Координатором и связующим звеном был Капитоныч. Славик порадовался, что при его попустительстве эти двое хоть немного насолят быдломоржу.

15. Святокоммунарск – 69-й километр (без остановки)

Как проскочили 69-й километр, Славик не заметил, да и мудрено было заметить во мраке. Там стояла платформа-призрак, ни одна из проходящих мимо электричка возле нее не останавливалась. Ни единого фонаря, ни единого освещенного окошка... Надо специально вглядываться, чтобы заметить, как промелькнет мимо темный силуэт платформы.

Вглядываться было некогда: добивали бутылку и закуску,

под тосты «Чтоб рука не дрожала!» и «Ну, чтоб не последняя!»»

Целью их поездки была точно такая же платформа-призрак. Но там поезд останавливался на короткий миг, хоть по расписанию и не должен был: у них имелась договоренность с машинистом.

16. 69-й километр (без остановки) – Васино

Теперь профессору надлежало ознакомить их с какой-нибудь технической новинкой в области охоты.

Иван Иванович был силен в теории: и всю охотничью классику перечитал, и за современной периодикой следил, в том числе и за издававшейся на английском. Плюс к тому регулярно заказывал и опробовал всевозможные технические новшества.

Нельзя сказать, что все познания сильно помогали Веймарну, когда дело переходило от теории к практике. Да и хитроумные изобретения как-то не способствовали успешной стрельбе... По результатам профессор шел на предпоследнем месте, опережая лишь Славика.

Сегодня он презентовал охотничьи патроны – картечные, особым образом снаряженные. Непочатая пачка была вскрыта, и все получили по патрону: и для иллюстрации к рассказу, и чтобы сами могли опробовать позже.

Славик обрадовался, – фирма «Бергель», всемирно из-

вестный бренд, у него на такие боеприпасы попросту не хватало финансов.

Гильзы по новой моде были сделаны из прозрачного пластика, что позволяло прекрасно разглядеть всю начинку. Оказалось она примечательной, в патрон последовательно уложена мелкая картечь трех видов: обычная круглая, кубическая и сделанная в виде чечевицы.

Профессор пояснил: все знают, как порой случается, – готовишься стрелять на приличной дистанции, а заяц негаданно выскочит чуть не под ноги, менять патроны в ружье некогда, приходится стрелять теми, что в стволах. Заряд летит плотным конусом свинца – и либо проходит мимо, либо, попав, портит дичь, буквально раздирая на куски.

С таким патроном конфуза не случится. Круглая картечь летит как обычно, квадратная за счет своей формы сильнее отклоняется в стороны, а плоские «чечевички» – еще сильнее. Сноп свинца рассеивается равномерно – попасть легче, и испортить добычу нет риска.

Капитоныча новые патроны, в отличие от профессорского ножа, заинтересовали. Осмотрел дотошно и объяснения слушал внимательно. И признал вслух: полезная выдумка, не в пример многим прочим. Но подаренный патрон себе не оставил, стрелял Капитоныч лишь собственноручно снаряженными боеприпасами.

Все уверения профессора, что у человека погрешности в определении навески пороха и дроби всегда будут выше, чем

у станка, управляемого электроникой, Капитоныч пропускал мимо ушей. Свои надежнее, и все тут. И поди поспорь с ним, когда настреливает каждый сезон больше всех...

Капитоныч тут же передарил патрон Славику. С самой паскудной улыбкой вручил.

И Славик понял: сейчас начнется...

17. Васино – Владимирская

И впрямь, началось. Повторялся в другом изводе издевательский монолог, что прозвучал в адрес Валентина Арнольдовича, только теперь адресатом стал Славик.

Для разминки Капитоныч невинным тоном предположил, что уж с таким-то патроном Славик сумеет наконец отличиться. Предположение немедленно было им же и опровергнуто: нет, не отличится, куда уж ему. Разве что прикупить зайца надувного, резинового, и, обрядивши в настоящую заячью шубку, положить под кустик... Тогда шансы появятся.

И пошло...

И поехало...

И понеслось...

На Арнольдиче быдломорж лишь разминался. Настоящее цунами остроумия накатило сейчас.

Славик чувствовал, что лицо его багровеет, но сжимал губы плотно, как устрица створки. Знал – стоит возразить хоть словом, и достанется куда больше.

Он опустил взгляд, уставившись на свои пальцы, сжимающие патрон с прозрачной гильзой. И терпеливо ждал, когда словесная экзекуция завершится.

18. Владимирская – Медок

Самое обидное, что наезды Капитоныча, хоть и невероятно хамские по форме, по сути были верны. Славик до сих пор, за два осенних сезона и один зимний, так и не взял ни одного зайца.

Он не мог понять, в чем дело. Вроде и стрелять случилось из верных положений, а результаты на стрельбище Славик показывал неплохие. А на охоте словно бы кто-то невидимый и бесплотный ствол ружья чуть-чуть в сторону отводил... Ба-бах! – и мимо. И каждый раз мимо. Что за напасть...

Его трофеи – несостоявшиеся его трофеи – добирали потом другие. И наверное, имели полное право на критику... Но лишь поганый морж использовал свое право на полную катушку и в самой издевательской форме.

Иногда Славик подозревал: причина неудач таится в его подсознании. Подсознательно он жалеет дичь. Сознание приучилось не обращать внимания на жалобные предсмертные крики зайцев, и на прочую их белость и пушистость, – и страстно желает трофеей добыть. У подсознания иное мнение – и оно мягонько, незаметно отводит руку чуть в сторону.

Капитоныч продолжал выдавать изыски юмора, зачастую переходя на сатиру, а порой и залезая в гротеск.

Славик решил, что надо придумать и провести некий аутотренинг... Чтобы перед выстрелом представлять на месте зайца вислоусую гниду. Неуместная жалость тут же улечится из подсознания. Заряд полетит точно в цель.

19. Медок – Жальниково

Струя тягучего словесного дерьма не уступала высотой и напором Женевскому фонтану. И не иссякала уже третий перегон.

Славик хотел бы не слышать, мысленно отключить у Капитоныча звук, да не получалось... Тогда он уставился на сжатый в пальцах патрон и заставил себя думать только о нем. О том, что такие патроны дают не только неоценимые преимущества при стрельбе на малой дистанции. Есть и побочный фактор: в разы растет риск зацепить кого-то из коллег картечиной-«чечевичкой», летящей по самой непредсказуемой траектории... На охоте всякое случается. С такими патронами «всякое» будет случаться чаще. В разы чаще. На порядки. Опасное новшество, непродуманное...

Хотя все это умозрительные рассуждения новичка, а «Бергель» – фирма солидная, и раз опытный Веймарн сказал: попробуйте, и опытный Капитоныч с ним согласился, – опробовать надо непременно. Сегодня же, не откладывая.

20. Жальниково – Щёглицы

И ведь однажды он был близок к успеху, он даже зацепил выстрелом зайца – не то подсознание вздремнуло, не то заряд разлетелся слишком широко.

Случилось все в середине прошлого зимнего сезона. Он неторопливо и старательно, как учили, выхаживал след, – а матерая зайчиха, напуганная его приближением, вскочила в другой стороне. Выломилась из кустиков, где таилась, взметнулась но невысокому косогору и тут же исчезла из вида.

Славик выстрелил тот момент, когда заячий силуэт четко нарисовался на вершине пригорка. Дистанция была идеальная. Ни веток, ни сучьев, способных отклонить летящий свинец, на линии огня не оказалось. Он был уверен, что не промахнется. И жалобный заячий крик подтвердил: не промазал.

Он поспешил туда, уверенный, что первый его трофей лежит на обратном склоне пригорка. И тут же влетел в лощинку, совершенно незаметную, доверху заметенную снегом. Ухнул в снег по пояс, еще через шаг – по грудь. Лощина оказалась неширокой, Славик не стал вылезать, двинул вперед, напролом. Пробивал, протаптывал путь – матерясь и поднимая ружье над головой. В общем, провозился очень долго.

Трофей на дальнем склоне не лежал. Там валялся лишь

большой клочок шерсти, выдраный картечиной из заячьей шубки.

Впрочем, надежда еще оставалась, и немалая. На уходящем следе виднелись пятна крови, – небольшие, словно у кого-то из прохуdivшегося кошелька выпадали монеты, от чего-то красные.

Вторая картечина попала удачнее, и Славик бодро двинул по следу подранка, рассчитывая вскоре добить.

Увы и ах... Ранка оказалась несерьезной, царапиной. Разрывы между красными пятнышками становились все больше, а сами они все меньше и бледнее. Потом и вовсе исчезли.

Он продолжал упрямо идти по следу, на что-то еще надеясь. След привел на рельсы и пропал, снега там не было. Он двинулся вдоль путей, поглядывая по сторонам, ища сходящий с полотна след. Куда идти, направо или налево, Славик не знал, и пошел наугад, с вероятностью угадать пятьдесят на пятьдесят.

Он нашел выходящий след не скоро, но нашел и двинулся по нему. Но вскоре услышал за спиной голос Гоши:

– Эй, эй, паря! Ты своего зайца тропи! За этим я уж второй час иду!

Он ошибся, потерял след и взял чужой... А подраненную зайчиху добрал Капитонич – та сдуру выскочила прямо на него. Славик опять остался с позорной «баранкой».

21. Щёглицы – Пятиозерье

Ладно бы он тогда просто упустил зайчиху... Но зачем-то прихватил с собой найденный клочок шерсти, показал остальным. Дескать, смотрите сами: очень близок был к успеху, совсем чуть-чуть не повезло... Лучше бы не показывал. Потом каждый зимний выезд получал в конце охоты клочок шерсти от Капитоныча: держи, мол, добавь в коллекцию.

И сейчас, разумеется, моржеобразная скотина не преминула вспомнить тот злополучный трофей... Славик держался стойко: близилось Пятиозерье, и там его мучения завершатся.

22. Пятиозерье – Малый Наволок

Уф-ф-ф-ф-ф... Отмучился. В последний вагон поезда зашли контролеры, трое, и полицейай с дубинкой и с «горынычем» в кобуре, – им в подмогу. Здоровенный полицейай, плечистый, – в передних вагонах публика едет всякая, порой нетрезвая и агрессивная.

Контролеры всякий раз, без исключений, подсаживались в Пятиозерье. Дальше начинались земли заброшенные, малонаселенные. Поселки вымирающие и уже окончательно вымершие. Станции, где по заведенному порядку поезда еще

останавливаются, но редко-редко кто-то садится или выходит, и билетных касс там, разумеется, нет. Кассы после Павловского редкость, не окупаются зарплата кассира.

В общем, в передних вагонах собрались пассажиры, которых надлежит дообилетить. Глагол «дообилетить» приводил Славика в состояние, близкое к экстазу, но именно так контролеры и выражались. И причастие имелось не хуже: «Эй, кто тут еще недообилеченный?» Восторг, душевный восторг.

Капитоныч при появлении контролеров тут же прекратил изbleвывать очередную гнусность. Отошел с ними на другой конец вагона, долго толковал о чем-то – с их старшим он был знаком накоротке, да и остальных знал.

В Малом Наволоке контролеры двинулись в поход вдоль электрички. Дообилечивать недообилеченных.

23. Малый Наволок – Четвертый Пост

Малый Наволок был мертвым местом. Неосвященная платформа без станционного здания, поодаль темные силуэты домов, довольно много, – но лишь два окошка светятся.

Электрички, тем не менее, останавливались. Живут здесь три с половиной старушки – вдруг одной из них приспичит куда-то прокатиться?

Три с половиной – не фигура речи. Капитоныч все окрестности их охотничьих угодий изучил дотошно, и как-то растолковал под настроение: три старушки нормальные, а одной

ноги поездом отрезало, давно, лет пятнадцать тому, – вот и получается половинка. Сказав такое, Капитоныч погано, как он умел, загыгыкал, тряся моржовыми усами.

Ладно хоть после ухода контролеров издевки не возобновились. Пришло время расчехлить, собрать и проверить оружие. Гораздо лучше заниматься этим в светлом и теплом вагоне, чем на месте, нет риска уронить невзначай в сугроб цевьё или стволины.

Разумеется, правила транспортировки охотничьего оружия категорически воспрещают такие действия в вагонах электричек, да и в любом общественном транспорте.

Да кто ж тут следит за правилами? В местах диких и безлюдных? Никто.

А у них – традиция.

24. Четвертый Пост – Пустынька

Славик укрепил фару «Вепрь» под стволами вертикалки, вложил патроны, поставил оружие на предохранитель.

Патроны, оба, были те самые – прозрачные, с разнородной картечью. Капитоныч (выглядел он не столь трезвым, как полчаса назад), заметив такое дело, ничего не сказал, просто загыгыкал. Он гыгыкал, и тряслись его моржовые усы-клыки, и тряслось моржовое брюхо, и моржовые складки на шее тряслись тоже.

Славик подумал: интересно, а вот чукчи, или эскимосы,

или кто там еще на моржей охотится, – куда их стреляют? Куда целятся, чтоб наповал, наверняка?

Оружие было полностью готово, и Славик посмотрел в окно, на станцию Пустынька. Названию своему станция соответствовала идеально. Ни одного светящегося окна, ни сейчас, ни в другие поездки.

Электрички тем не менее останавливались, для кого и зачем, – непонятно. Механический голос объявлял остановку, двери открывались и спустя положенный срок закрывались. Славик поначалу часто поглядывал на платформу: вдруг кто-то все-таки зайдет или выйдет? Никто. Никогда.

Казалось, что по поселку прогулялась чума. Или какие-то упыри выползли из болот и прикончили всех жителей. И в мертвом поселке живут бесплотные призраки его давних обитателей...

Славик знал, что все куда прозаичней. Земледелием здесь никогда не занимались, деревень не было – почвы никудышные даже для Нечерноземья. В относительно недавние времена начали добывать торф в местах низменных, и рубить лес, где посуше, – возникли поселки лесорубов и торфоразработчиков. Жили там и те, кто обслуживал работников лесхозов и торфопредприятий: кто торговал в магазинчиках, преподавал в школах, лечил в здравпунктах и т. д. и т. п.

Потом торфяные пласты истощились. Да и лес вырубали без ума – вместо строевых еловых боров теперь лес мелко-рослый, березо-осиновый, для рубки неинтересный.

Поселки начали умирать и умерли. Здоровенная территория стала пустошью, мертвыми землями. Дальше по этой ветке, километров через тридцать-сорок, вновь появляются деревни и обработанные поля.

А здесь – безлюдная зона. Для охоты лучше не придумаешь.

Цель из поездки – платформа-призрак 113-й километр – находилась в самом центре выморочной территории.

25. Пустынька – 113-километр (без остановки)

Поезд сбавлял ход. Они впятером уже стояли в тамбуре, наготове: рюкзаки за спинами, оружие в руках. Десантироваться надо быстро. Электричка здесь не будет стоять положенную минуту, едва раздвинет двери – тут же вновь сдвинет, и полный вперед, нагонять график движения.

Двери разъехались в стороны.

Все пятеро выпрыгнули – не на платформу, прямо на насыпь.

26. Охота

– Зайчиха, молодая, – уверенно сказал Веймарн, подсвечивая след. – Бери ее, Славик.

Все повторялось... Все было как в тот раз. Вновь на сле-

де пятнышки крови, но теперь, в электрическом свете, казались они не красными, – черными. Зайчиха дуриком подвернулась под первый неприцельный выстрел – «взбудный», как называл его профессор Веймарн, нахватавшийся в своих книгах старинных охотничьих терминов.

Славик понял, что ему дают шанс. Верный шанс. Если обложится сейчас – лучше самому сказать, что уходит из команды охотников. Не дожидаться позорного изгнания.

Он двинулся по следу. Капитоныч напутствовал странным звуком, хмыкающе-хрюкающим, моржовый хрен был снова пьян, аж пошатывался.

27. Первый заяц

Наступило утро, но лишь по часам, восток даже не розовел.

Дважды Славик находил свежие лежки – подстреленная зайчиха пыталась залечь, но вновь поднималась, завидев приближавшийся свет фары. След описал большой круг и привел к платформе-призраку.

Здесь было натоптано, но след тянулся дальше, под платформу. Славик не стал спешить, внимательно осветил и осмотрел все вокруг. Выходного следа нет. Вновь легла, и встать уже не пытается. Пора ставить точку.

Он шагнул под платформу, та стояла на высоких столбах, не пришлось даже нагибаться. Посветил – и тут же увидел

зайчиху, лежавшую в нескольких метрах.

Промахнуться было невозможно, тем более новыми патронами.

Но Славик медлил с выстрелом, разглядывая зайчиху. Все было как в тот раз, кровь со следа исчезла давненько, но теперь Славик видел кровавое пятно на белой шубке – даже, скорее, на полушубке, коротеньком, песцовом.

Приклад влип в плечо.

Зайчиха жалобно закричала.

Славик уже слышал этот голос и этот крик, – когда зайцы стояли кучкой, ошарашенные и ничего не понимающие: все шло как всегда в их заячьей жизни, они отступали по электричке от контролеров, и отступили в первый вагон, и готовились к стандартному своему заячьему трюку, – обежать и вагон, и контроль по платформе, и уже начали трюк исполнять, – а электричка вдруг до срока захлопнула двери и уехала.

Зайцы не понимали ничего, но первый, «взбудный» выстрел Капитоныча все им разъяснил... Тогда и прозвучал голос этой молоденькой зайчихи, не разминувшейся с картечиной.

Палец окаменел.

Палец застыл на спуске и ни в какую не желал сгибаться.

Тело явно сговорилось с подсознанием...

Славик понял, что охотником ему не стать. Выбор прост: или с позором уйти, или от позора застрелиться.

Ружье дернулось в руках, световое пятно чуть сместилось, и Славик с изумлением увидел другое: никакой зайчихи тут нет, он снова спутал след, и переплетение теней под платформой сыграло дурную шутку со зрением.

Там лежал Капитоныч, переборщивший не то с потайной фляжкой сегодня, не то со старыми дрожжами давеча, и белую маскировочную куртку Славик принял за короткий песцовый полушубок, а темное пятно на ней – блевотина, не кровь. Ну а жалобный крик – лишь плод взбудораженного воображения, наслушался он таких криков.

Ошибся, с кем не бывает. Случаются на охоте ошибки, особенно с новичками. Всякое на охоте...

Он потянул спуск, не закончив мысль и не имея шансов промахнуться. Но потом, для гарантии, выстрелил из второго ствола.

Эпилог

Капитоныч дозвонился до Центрального военного госпиталя Стратотерпицы Анастасии с трудом, лишь с третьей попытки. Господь ведает отчего, но связь с Ниеншанцем в тот день оказалась из рук вон плохая. Наконец дозвонился, но и тут не повезло, на звонок никто не ответил, вызов переключился на секретаря.

Лишь через полчаса, после долгих объяснений, кто звонит да зачем, и после долгого ожидания, на экране появился

Веймарн.

Был он не в медицинском костюме, как того ждал Капитоныч, взявший отчего-то в голову, что профессор на операции. Веймарн оказался при полном параде, – в шитом золотом мундире медицинских дел надворного советника, при регалиях: «володя» на шее, а в петлице Гиппократ второй степени, на рукояти шпаги тоже болталось что-то наградное, но Капитоныч не разобрал, что, – шпага лишь мелькнула на миг и исчезла за краем экрана.

Веймарн начал было извиняться: дескать, прискакал из обкома оберпартайгеноссе со всей своей камарильей, так что, сам понимаешь... Капитоныч не дослушал, перебил, опасаясь, что со связью опять случится нехорошее. Сказал:

– Иваныч, так уж вышло, что не только Валю заменить нужно... Есть кто из кандидатов у тебя на подходе?

– Есть... – произнес Веймарн так медленно, что стало непонятно, как можно тянуть столь долго слово с единственным гласным звуком.

– Ты пригласи его к себе, да меня извести. Заеду, посижу, погляжу...

– Кто?... – спросил Веймарн так же невероятно тягуче.

– Да молодой наш, Славик... Сегодня его нашли.

Капитоныч изобразил рукой, как словно бы набрасывает веревку на шею, и затягивает узел за ухом, затем прикрыл на мгновение глаза и вывалил наружу язык. И пластика, и мимика были у него на редкость выразительные.

Веймарн молчал. Губы его кривились, словно профессор хотел сказать что-то матерное, или харкнуть в объектив камеры, но сдерживался.

– Жаль, но сам ведь знаешь: после первого зайца случается... – сказал Капитоныч равнодушно. – Насчет похорон и поминок я сообщу, как станет известно, но ты приглашай молодого, не мешкай, сезон в разгаре... И «сантаклеровки» бутылек приготовь, у меня как раз вяленая зайчатинка дозрела... Пускай молодой причастится.

II. Охота на диких коз

У этого костра компания даже на вид побогаче, чем те, кто коротает ночь с отставным майором Стасовым и те, кто обсуждал «измену» Виталика, променявшего утиную охоту на стрельбу зайцев из-под гончей...

Оружие, все аксессуары, все элементы снаряжения не просто импортные, а брендовые, статусные, – неудивительно, что эти птички сбились в одну стайку. Многие из бежинских завсегдатаев не готовы платить за нож или фонарик вдвое дороже из-за того лишь, что он украшен клеймом известной фирмы.

(Ружье – иное дело. Если охотник – не из молодняка, а стрелок со стажем, из самых разных стволов пострелявший – берет в руки и прикладывает к плечу ружье, и понимает: твое, именно для тебя сделано, именно тебя дожидалось, – купит, сколько бы ни запросили, в долги влезет, но купит.)

Разумеется, здесь говорят про Африку. Давно заметил: богатых охотников, едва они толком научатся стрелять, непременно тянет в Африку. А иногда и до того, как научатся... Тенденция.

Молодой охотник, в минувшем году впервые причастившийся экзотики Черного континента, захлеб рассказывает о своем сафари, о диковинах животного мира Намибии

и о проблемах, создаваемых паршивым намибийским сервисом. Остальные слушают без любопытства, они и сами навидались достаточно в саваннах и джунглях.

Сергей Леонидович, zdeшний гуру, утешает: он, дескать побывал в Намибии двадцать с лишком лет назад, чуть ли не первым среди российских охотников. Вот тогда был экстрим, так уж экстрим: по стране бродили банды вчерашних борцов за независимость, норовя свести счеты с белыми фермерами, не пожелавшими уехать. Фермы, превращенные в натуральные укрепрайоны, регулярно устраивали перекличку по рации: все ли целы? – а обвешанные самодельной броней внедорожники всегда были готовы без промедления покатить на помощь соседям. Нынешний намибийский сервис в сравнении с теми былинными годами можно смело считать пятизвездочным.

Эти воспоминания Сергея Леонидовича я слышал не раз и собираюсь уходить. Но разговор принимает новый оборот, и я задерживаюсь.

– Ты-то, Антоха, когда в Африку наконец соберешься? – спрашивает намибийский неофит у коллеги, на вид своего ровесника.

Тот экипирован не хуже прочих, не выглядит бедным родственником, случайно затесавшимся в их компанию. Надо полагать, в Африке он пока не побывал отнюдь не по причине нехватки финансов.

– Я в Африку добираться методом последовательной ап-

проксимации, – изрекает Антоха нечто, мне не понятное; большой учености, видать, парень. – Почти уже добрался. В этом году охотился на островах Ильяш-Дезерташ – это как бы уже почти Африка. Хоть и числятся за португалами, но к африканскому берегу гораздо ближе, чем к Европе.

– Не слыхал о таких... Ильяш... как там дальше? – спрашивает Сергей Леонидович, и по тону чувствуется: об африканской охоте он знает все, и в африканских странах, куда охотникам стоит ездить, побывал во всех, а этот Ильяш-как-его-там – ерунда какая-то непонятная, никому не интересная...

– Ильяш-Дезерташ – это три маленьких необитаемых островка не так далеко от Мадейры: в хорошую погоду видны с вершины тамошней горы точками на горизонте. Я-то на Мадейре безвылазно на несколько месяцев застрял: консалтинговый центр в оффшоре с нуля организовать, это вам... ну, неважно. В общем, пострелять хотелось, а на самой Мадейре негде, да и некого: остров хоть и большой, и всякие реликты и эндемики водятся, да не те: бабочка какая-то уникальная, улитки, каких больше нигде нет, ящерики опять же... Не для охоты живность. А на Ильяш-Дезерташ и дикие козы, и дикие кролики, да и птиц куда больше, чем на самой Мадейре. Там заповедник, но охотиться можно, даже выпрашивать допуск не пришлось, – сами пригласили меня пострелять, как узнали, что любитель этого дела...

– Странные там у них заповедники... – протянул кто-то сомневающимся тоном.

– Да не странные, нормальные. Охраняют там какого-то тюленя вымирающего, не помню название... А сухопутных хищников крупнее ласки на островках нет, и если коз и кроликов не прорезживать, всю растительность истребят и дохнуть начнут с голоду. Так что все по уму: к тюленьему лежбищу не пускают, а вдали от него стреляйте вволю. Не львы с носорогами, понятно, но душу отвести можно. Да и вообще интересное место: европейцы появились на архипелаге в пятнадцатом веке, а до того никто не жил... Но иногда корабли прибывало штормами: и арабские, и европейские, а в древности даже античные. Некоторые суденышки возвращались, другие там и гибли... А возле Ильяш-Дезерташ интересные пески в прибрежной зоне: затягивают, что в них попадает, а потом, неожиданно, века спустя, что-то выбрасывают после сильных штормов. У работников заповедника даже есть небольшой музей исторических находок... И своя версия легенды, которую на Мадейре всем приезжим рассказывают... Очень оригинальная версия, как раз на тех находках основанная. Значит, так...

– Погоди, погоди... – перебивает тот же, что подивился странному устройству мадейрских заповедников. – Мы-то, уж извини, на Мадейре побывать не сподобились. Мы и классическую-то легенду не слышали, а ты нам сразу альтернативную впаривать собрался...

– Легенда как легенда, – пренебрежительно машет рукой Антон. – Четырнадцатый век, Англия, влюбленные парень с девушкой, побег на корабле из дома, от родителей, не желающих их брака, крушение у берегов необитаемой тогда Мадейры... В общем, все умерли. Альтернативка гораздо круче. Слушайте же...

Остаюсь послушать и я. Легенды затерянных в Атлантике островов – нечто новенькое для Бежинки.

* * *

На каменистой осыпи он потерял след. И понял, что охота завершилась. Завершилась ничем...

Стрела – кривоватая, с наконечником из обломка расколотой кости – вошла под кожу козы неглубоко, рана почти не кровоточила, и на камнях он не мог преследовать дичь по кровавым пятнышкам, слишком те малы и слишком далеко падали капли крови друг от друга...

Коза ушла и унесла в себе стрелу.

Причем лучшую из оставшихся у него стрел, остальные еще хуже...

Он не чувствовал в себе сил затевать все снова: отыскать группу коз, самца и несколько самок с козлятами, и подобраться к ним на расстояние верного выстрела, – для его примитивного лука это расстояние было совсем не велико, десятка полтора шагов... И все равно выстрел не всегда стано-

вился верным.

Час утренней кормежки прошел, козы сейчас отдыхают, – и старые матерые козлы чутко и зорко следят за безопасностью подопечных коз и козлят.

Он давно убедился, что своим первобытным оружием может поразить лишь голодную и кормящуюся козу, потерявшую часть своей обычной осторожности. Вот были бы нормальные стрелы... Или хотя бы несколько гвоздей, или других кусков железа, пригодных для изготовления прочных и острых наконечников.

Нередко он жалел, что не забрал с корабля – пока мог, пока волны не разбили тот о скалы и не унесли прочь обломки, – не взял с корабля что-то действительно нужное... Что-то, способное помочь выжить на безлюдном клочке суши. Но он первым делом схватился за мешок с золотом.

Он тогда не знал, что здесь нет людей, и что никто не продаст – даже за все золото мира – хотя бы кружку эля или зачерствелую краюху хлеба. Не знал, что сам кожаный мешок пригодится здесь ему больше, чем все хранившиеся в нем монеты, кольца и цепи.

А если бы знал...

Если бы знал – все равно, наверное, первым делом взялся бы за мешок. Он слишком долго гонялся за богатством, чтобы бросить его. Если случится чудо, и его спасут отсюда, – он не желал вновь стать тем же нищим голодранцем, каким в юности ушел из дома. Он мечтал когда-нибудь вернуться –

богатым и успешным человеком – и всем доказать: его, именно его путь оказался правильным, а не их сытое прозябание в теплом и спокойном болотце... Сначала мечтал доказать отцу, позже, узнав о его смерти, – родственникам, знакомым, соседям.

Все так. Но добрую пригоршню золота из кучи, лежавшей теперь в углу шалаша, он бы отдал за несколько длинных и острых гвоздей...

Даже, наверное, две пригоршни.

* * *

Охота с луком на коз не задалась. Оставалась надежда на силки и ямы...

Слабая надежда – сраженный лихорадкой, он пролежал две недели, не имея сил надолго подняться. Подъел все невеликие запасы съестного, и на охоту, разумеется, не выходил... Угодившую в силки добычу, скорее всего, расклевали птицы и обглодали мелкие хищные зверьки, здесь встречались такие.

И коз, если попали в ловчие ямы, наверняка там уже нет. Они выбираются, стоит предоставить им достаточно времени.

Но все же надежда оставалась. Пернатая дичь редко попадались в силки, развешанные по ветвям, – петли слишком грубы, не имелось конского волоса, чтобы сплести пет-

лю прочную и незаметную. Однако порой и там добыча случалась, и если какая-то птица угодила в силок недавно, и не успела протухнуть либо стать поживой для крылатых или четвероногих нахлебников, тогда... Тогда у него будет обед. И появятся силы, чтобы раздобыть ужин.

...В ловчих ямах козы побывали. И ушли, оставив осыпавшиеся стенки, почва здесь была мягкая. Он перестал втыкать в дно заостренные колья, надеясь при удачной охоте часть козлят оставлять на подрост, создать со временем небольшое стадо... Не успел, да и удачные охоты выдавались все реже, козы становились со временем пугливее, осторожнее.

Силки тоже не порадовали. Те, что были настрожены у земли на ушастых зверьков, напоминавших зайцев, – те оказались пусты и большей частью сбиты, а две петли оборваны, в них влетели козы, слишком крупные для такой снасти. В одну петлю угодил «заяц», но осталось от него немного: клочки шерсти и зачищенные от мяса косточки, причем многих костей не хватало... Птиц в верховые силки попало две, и обе тоже давно не годились в пищу.

Убедившись, что добычи нет, он старательно расправил и настрожил сбитые петли. С ямами не стал возиться. Не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы выровнять стенки, тем более своей примитивной деревянной лопаткой – вырезал ее ножом очень долго, а копала она... чуть лучше, конечно, чем голая ладонь. Но совсем чуть.

Он двинулся к берегу, не особенно надеясь на удачу, но

желая перебрать все возможности раздобыть съестное, не упустив ни одну.

Берега здесь были большей частью крутые, скалы отвесно вздымались из воды, и о них почти всегда с шумом и плеском ударялись волны. Иногда, выбрав тихие дни, он пытался удить рыбу с береговых утесов. Получалось плохо, редкий и скудный улов не окупал потраченное время и силы. Возможно, рыба держалась в стороне от линии прибоя. Возможно, он слишком мало смыслил в рыболовном искусстве и изготовил слишком грубую снасть.

В любом случае он шел не к обрывистым утесам – к небольшому участку пологого песчаного берега, единственному на острове. Скалы здесь какой-то прихотью Создателя были отодвинуты в море, торчали из него, как зубы щербатого, прореженного кулаком рта, – и получилась небольшая, прикрытая от волн бухточка. Там можно было добывать съестное: и рыбу, и разную морскую живность.

Шагал к морю неторопливо, сберегая силы. По дороге нашел куст со съедобными ягодами. (Здесь растений он поначалу не знал совсем, и съедобность всего, что росло на ветвях, пришлось определить опытным путем, порою ценой рвоты и жесточайших желудочных конвульсий. Ладно хоть не подвернулись под руку смертельно ядовитые плоды или ягоды.)

Ягоды были далеки от спелости. Он все-таки съел две или три, морщась от горечи. Но понял, что если не остановится,

то извергнет все обратно. Пошел дальше, запомнив место, – кусты этого вида встречались не часто и росли поодиночке.

Рыбу он увидел сразу – еще сверху, еще не спустившись к воде. Рыба была велика – локтя два, а то и два с половиной в длину, и лежала на песке возле самого уреза воды. Наверное, штормом ее ударило о скалу, затем выбросило на берег.

Он торопливо спустился, от рыбины вспорхнули две чайки, обе из той их породы, что размером поменьше. Крупные же чайки – размахом крыльев не уступавшие расставленным человеческим рукам – здесь не жили, залетали иногда откуда-то, и, наверное, назывались не чайками, а как-то иначе, но он не знал, как.

Малые же чайки почти ничем не отличались от тех, что кружили над озерами и реками его родины, но жили из-за безрыбья в небольшом числе. Да и он приложил руку к их вымиранию, разорив в поисках яиц все гнезда в расщелинах скал, к которым смог подобраться.

Получается, что истреблял он не родившиеся поколения чаек не зря – налетели бы во множестве, и остался бы от рыбины лишь скелет... А так эта парочка много склевать не успела.

Он подошел, увязая ногами в песке, и понял: безраздельное владение рыбой никак и ничему не поможет, та лежала давно, стухла, омерзительно воняла, и ее поедали черви.

Стараясь дышать через раз, он смотрел на червей, копошащихся в тухлятине – на мясистых и белых, с фалан-

гу пальца размером. Подумал, каковы будут на вкус, если запечь их в костре. Желудок от вида червей начал нехорошо сокращаться, намекая хозяину, что до того, чтобы счесть приемлемой такую трапезу, еще не дошел...

Но он решил ни от чего не зарекаться, и оттащил рыбку подальше от воды, взяв за самый кончик хвоста, чтоб не измараться тухлятиной. Пусть полежит тут, в безопасности от прилива. Еще пара дней без еды, и желудок может изменить свое мнение.

Потом он разделся, и ходил по колону в воде и чуть глубже, пытаясь разыскать крабов и моллюсков. Крабы здесь водились некрупные, но были вкусны. Однако ни одного сегодня найти не удалось, бухточка невелика, а посещал он ее часто. И моллюсков много найти не сумел по тем же причинам, но все же отыскал пять раковин, спирально загнутых, с кулак ребенка размером.

Потянулся за шестой, другого вида и крупной, похожей на две сложенных вместе неглубоких миски, – и тут из-под ног метнулась тень. Рыба, и большая, не меньше той, что валялась на берегу... Отплыла недалеко и замерла, застыла, расцветкой удивительно напоминая скальные обломки, торчавшие из песчаного дна. От поверхности верхний плавник рыбы отделял слой воды в ладонь, не более.

Он быстро, но стараясь не плескаться, сходил на берег, за луком и стрелами... Вернулся, долго всматривался, но рыбу так и не увидел. Прошелся туда-сюда, медленно и бес-

шумно ступая в воде и положив стрелу на тетиву... Но так и не увидел горбатую спину с плавником. Рыбина уплыла на глубину... Хуже того, и большую плоскую раковину не удалось отыскать, возможно, сам присыпал ее невзначай донным песком.

Вернувшись на берег, он с сомнением посмотрел на скалы, отгородившие бухточку от моря. Там тоже мелко, и можно бы сплавать, поискать съедобного... Поразмыслил и не рискнул, – выросший вдали от морей, он и в лучшие свои дни плавал не очень уверенно, а сейчас совсем ослаб от голода и болезни...

Хотя на остров он попал, как раз переплыв бухту, – туда, на скалы, штормовые волны выбросили корабль, когда на борту оставались лишь он да Мэриан...

Добрался, и доставил ее, и свой бесценный тяжеленный мешок, – но тогда делу помогли две или три доски, связанные на манер плотика, – он плыл, держась за него и толкая перед собой...

Он отогнал воспоминания, посмотрел на скудную добычу. Моллюски чуть приоткрыли дверцы, прикрывающие вход в раковины, показали нежную плоть... Желудок от такого зрелища немедленно взвыл и зашелся в приступе резкой боли.

Пришлось найти два камня и расколоть три раковины из пяти. Мясо моллюсков лишь на вид было нежным, но разжевать его удавалось с большим трудом... Он справился, а на мерзкий вкус водяной живности давно отвык обращать вни-

мание. Безумно хотелось заесть все хлебом, свежим, теплым, недавно покинувшим печь хлебом...

Он дожевал и проглотил последнего моллюска, и сразу стало лучше.

Вернее...

Не совсем...

Совсем не лучше...

Его скрутила судорога, согнула пополам, он изо всех сил старался удержать съеденное внутри – и все же изблевал на песок.

Смотрел на мерзкое пятно, на полужидкую кашу из разжеванных моллюсков и ягод. Обидно... И странно... Ему казалось, что съел совсем немного ягод, пять или шесть, а тут... несколько горстей, самое малое... С памятью творилось неладное, он давно это заметил.

Натянул куртку – обветшавшую до последней крайности, грозящую вот-вот развалиться. Подобрал лук, стрелы, оставшиеся две раковины. И пошагал к шалашу.

Он сделал все, что мог. И осталась лишь одна возможность наесться... Иначе получится замкнутый круг: для охоты нужны силы, для сил нужна еда, а у него ни того, ни другого.

До шалаша оставалась примерно половина пути, когда он услышал голос, окликавший его по имени.

– Иди сюда, Гай, иди сюда, мой мальчик, – говорил он ласково, протянув вперед руку; пальцы слегка согнул, так, чтобы не было видно, что в ладони нет ничего.

– Р-р-робин! Р-р-робин! – откликнулся Гай и перепрыгнул с ветки на ветку, оставшись на прежнем, недостижимом для руки расстоянии.

– Иди сюда, мальчик, – продолжил он уговоры.

Честно говоря, он не был уверен, что Гай именно мальчик, а не девочка. Ему и раньше было все равно, и уж тем более теперь, когда он постановил съесть говорливую птицу.

Раньше мальчик-девочка подлетал и садился на протянутую руку, но несколько одичал за недели вольной жизни и на уговоры не поддавался.

А он не имел терпения ждать. Ноздри уже ласкал воображаемый аромат жарящегося над углями Гая.

Он потянул с плеча лук, надеясь, что у птицы не хватит разума понять, чем ей грозит этот предмет.

Но либо хватило, либо так сложилось случайно, – но Гай вспорхнул на пару веток выше.

Не страшно... Гай не коза, и даже плохая стрела на таком расстоянии сразит его наповал.

Увы, к плохой стреле добавилось и никудышное состояние стрелка... Пальцы не удержали стрелу, отпустили чуть

раньше, чем был взят верный прицел... Стрела безвредно ушла стороной и канула в зеленой листве.

Гай захлопал крыльями, взлетел вверх и тоже пропал меж ветвей. Он был еще где-то здесь, сверху раздался возмущенный голос:

– Р-р-робин! Р-р-робин!

Но теперь помочь не смог бы и самый лучший лук с самыми лучшими стрелами...

Он потратил еще несколько времени, пытаясь вновь подманить птицу. Но Гай не соблазнялся пустой рукой, а потом и вовсе перестал откликаться. Очевидно, улетел.

Теперь он сделал точно все, что мог. Большого не сделать никому на свете...

* * *

– Я не смог ничего добыть... – сказал он тихо и печально. – Прости меня...

Их взгляды встретились, у Мэриан были изумительные глаза – глубокие, бездонные, в них можно было погружаться всю жизнь и не достигнуть дна...

– Прости... – повторил он и протянул руку к ее голове.

Пальцы коснулись шелковистого и мягкого, он понял, что и голод, и усталость куда-то ушли, исчезли, растаяли без следа, и на смену им пришло совсем иное чувство и становится все сильнее и сильнее.

Он любил Мэриан и желал ее, прямо сейчас... Даже сейчас.

И чувствовал ее ответное желание.

...Он входил в нее сильными размашистыми толчками и ощущал – так у них бывало всегда – как ее тело, поначалу скованное и напряженное, все более расслабляется, принимает его все охотнее, как там, в ее сокровенных глубинах, начинаются первые пароксизмы ответной страсти, и становятся все сильнее и сильнее.

Он ускорился, сопровождая каждое движение легким негромким стоном, а потом, когда их тела слились окончательно, став единым целым, – застонал во весь голос, громко, облегченно и торжествующе, чувствуя, что взлетает куда-то высоко-высоко, в предгорные выси, и она взлетает вместе с ним...

Потом он дышал глубоко и шумно, хватая воздух широко раскрытым ртом, не в силах сразу опуститься с небес на землю.

Потом все же опустился.

И сразу же, чтобы не успеть передумать, перерезал Мэриан горло.

* * *

Он свеживал ее, с трудом удерживаясь от рыданий, на глаза наворачивались слезы, и кровь на руках мешала их оте-

реть.

Потом, когда отделял голову, не выдержал и слезы потекли по щекам. Стало легче, сразу стало легче, боль утраты постепенно сменялась чистой и светлой печалью.

Голову он поставил в шалаше, чтобы еще хоть какое-то время Мэриан побыла рядом с ним, чтобы можно было в последний раз окунуться в бездонные колодцы ее глаз...

Но глаза быстро стали мертвыми и мутными, он понял, что Мэриан уже не здесь, а где-то далеко, и незачем примакивать в шалаш мух разлагающейся плотью.

Он зашвырнул голову в кусты, насколько хватило сил, – из нее можно было бы сварить неплохую похлебку, но не имелось ни горшка, ни котла.

Как разводил костер, как запекал мясо, он потом не мог вспомнить, – опять случился провал в памяти, как с поеданием ягод.

Потом был пир. Пир души и тела. Тело наполнялось блаженной истомой, расходящейся от наконец-то удовлетворенного желудка. А душу преисполняла мысль о том, что Мэриан все же не покинула его окончательно, что какая-то ее часть останется в нем навсегда. Даже когда тело справит позже свои телесные надобности – все равно останется в нем, но не мясо, а частичка души Мэриан...

Он надеялся, что у Мэриан имелась душа, всего лишь надеялся, – вопрос сей был не прост, а он не имел достаточно знаний, чтобы решить его однозначно.

Но в другом сомнений не было – мясо у Мэриан оказалось превосходнейшего вкуса, никакого сравнения с козами, добываемыми стрелами и ловушками. За его двухнедельную болезнь Мэриан сглодала всю траву в своем загоне, и объела почти всю листву и молодые побеги с ветвей, клонящихся в загон сверху, но начать голодать не успела. Крошечный же ручеек, струящийся сквозь загон, вволю давал воды. Мясо сохранило свою мягкость и сочность...

Печаль, сменившая страдание, тоже постепенно рассеивалась... Все подошло к логическому концу и завершению – все месяцы, что Мэриан дарила ему часть себя, он подсознательно знал, что придет день, когда она подарит себя всю и без остатка...

Стать же Евой задуманного стада Мэриан все равно бы не смогла... Он никогда бы не подпустил к ней вонючего похотливого козла.

* * *

Потом был сон, блаженный сытый сон.

Во сне к нему пришла Мэриан.

Не та, что спасла его от голодной смерти.

Другая.

Первая.

Настоящая.

Она часто раньше приходила во сне, и когда он спал на сы-

тый желудок, и когда ложился натошак. Почти каждую ночь.

Он не любил ее визиты, и поначалу думал, что их причина в том, что Мэриан не погребена как следует. Он решил исправить ошибку и потратил много времени и сил, чтобы обустроить ее посмертное бытие. Смастерить гроб одним лишь ножом он не смог, но обрядил откопанное тело в саван из лучших козых шкур, тогда козы еще попадались ему часто.

Обрядил и закопал в новой могиле, теперь глубокой и удобной, но перед тем произнес молитву, единственную, что помнил с детства. Возможно, спутал два или три слова, но посчитал ошибки неважными, ведь главное, чтобы молитва шла от чистого сердца...

Могилу он выбрал в месте, что наверняка бы понравилось Мэриан, – под сенью огромного дерева, слегка напоминавшего дуб.

Она любила дубы, и встретились они впервые под дубом, и вся их жизнь, ставшая общей с того часа, прошла среди дубрав. Почти вся, если не брать в расчет путь сюда, на остров.

Но здесь дубы не росли, и он выбрал дерево, немного похожее. Копать могилу возле самого ствола было адски трудно, однако он не отступился от задуманного, он подсекал ножом переплетение корней и пережег самые толстые из них, но сделал все так, чтобы Мэриан понравилось.

Погребальные работы заняли немалый срок, одна возня с корнями чего стоила... Мэриан приходила почти каждую

ночь, и он рассказывал ей, как идут дела, и обещал, что ей будет хорошо на новом месте.

Рассказывал, хотя она ничего не спрашивала. Она вообще всегда молчала, садилась у его ложа и молча смотрела на него. Ее глазницы были забиты землей, но она умела смотреть.

Потом он снова закопал ее, и даже не пожалел двух монет из мешка, – положить ей на глаза. И вырезал на как бы дубе крест – старательно вырезал, так, чтобы тот не заплыл долгие годы, – не просто срезал кору, но и далеко углубился в твердую древесину.

Он сделал все, что мог, и все, что помнил о похоронных обрядах, и даже поставил заупокойную свечу. Плохонькую и коптящую, из козьего жира, какая уж была, – он долго отыскивал здесь дупло диких пчел, но так и не нашел, и не мог сделать свечу правильную, восковую.

Он сделал все.

Мэриан продолжила приходить. Он не мог прогнать ее, бесплотную, он не был властен над своим телом в том сне...

Тогда он попробовал не обращать внимания. Сидишь, ну и сиди, а я сплю и вижу сон, что лежу рядом с тобой...

Мэриан ничем не докучала, но... Но выспаться с ней рядом не удавалось, он просыпался поутру разбитым и не отдохнувшим, не восстановившим сил, и все чаще допускал промахи на охоте.

Тогда он решил, что она винит в своей смерти его. Он знал, что Мэриан ошибается, и попробовал оправдаться.

Она ни в чем не обвиняла, но он оправдывался каждую ночь.

Он разбирал по шагу весь путь, приведший их сюда, на остров, – его в шалаш, ее в могилу под деревом, слегка похожим на дуб.

И доказывал, что ни в чем не виноват, что каждый шаг его был единственно верен – любой иной привел бы назавтра в темницу, через день-другой – в пыточную, через неделю или две – на виселицу.

Причем для него – после смерти шерифа и отряда посланных короной солдат – виселицей дело бы не закончилось, напротив, лишь началось бы...

Это серьезно, это не убить мытарей епископа, что грозило лишь заурядным повешением, – королевское знамя есть королевское знамя, и его, поднявшего оружие против короля, подвесили бы аккуратнейшим образом, чтобы не сломать невзначай позвонки. Потом, дав вволю подергать ногами в танце с Пеньковой Мэри, вынули бы живого из петли, и привели бы в чувство, и ободрали бы кожу, и оскопили бы, и выпотрошили, и сожгли бы потроха и мужское достоинство в жаровне, у него на глазах. И лишь потом бы рассекли на

куски, начав с рук и ног, чтоб подольше мучился...

Она, как соучастница, могла бы отделаться всего лишь колесованием. Если бы повезло и день бы выдался жаркий, к вечеру могла бы умереть. Но это только если бы повезло...

Земля горела у них под ногами, а он не хотел умирать в муках, и не хотел, чтоб в муках умерла она.

Им не было места на земле короля, и они ушли на воду, и захватили судно, стоявшее на Тренте – небольшое, но мореходное: одномачтовый когг, плававший через Канал, в Кале и другие порты.

Земли за Каналом тоже принадлежали королю Эдди, и там их тоже ждала лютая казнь, и Волчий Сын предложил плыть на веселый зеленый Эрин, куда не дотянутся лапы короны.

У них не было выбора. На земле старой доброй Англии их травили, как волков, не давая ни дня покоя. На любой другой достигаемой для короны земле их ждала такая же охота, и в конце ее страшная смерть.

Они – все, кто уцелел к тому дню, – поплыли на Эрин, в вольный Коннахт, подальше от Дублина, подвластного королю, – Волчий Сын был родом из тех мест, из Коннахта.

Поплыли вчетвером, принудив оружием пятерых из команды когга, кто случился в ту ночь на борту. Волчонок, именуемый в розыскных листах Аланом из Дейла, а на деле звавшийся Аллен Мак Кеннион, знал толк в морском деле и не позволил бы мореходам свернуть не туда...

Они плыли. Плыли по единственно возможному пути, ве-

дущему в неизвестность, но уводящему от смерти.

Разве он виноват, что путь был лишь один?

Он любил ее, и спасал от смерти, и повинен лишь этим.

Ну а в том, что налетел ураган, и сломал в щепки мачту, и погнал когг неведомо куда, не виноват никто.

Людям не дано управлять ветрами и ураганами.

* * *

Он оправдывался почти каждую ночь, длилось это долго, – и он дошел в своих оправданиях до того дня, когда к острову прибило когг, где уже неделю оставались лишь двое живых – он и она.

Он и тогда сделал все, чтобы она осталась жить. Он сумел доставить Мэриан сквозь волны на берег, хоть никогда не умел толком плавать. Он смастерил ножом лук и застрелил первую козу, он мог убить ее и камнем, козы в тот день впервые увидели человека и совсем не пугались его...

Он изжарил мясо, но Мэриан уже не сумела жевать, не сумела есть твердого, а он не мог сварить бульон, не имея котла... Он пытался вновь добраться до когга, но тот сорвало со скал и унесло неведомо куда...

И она умерла.

Он делал все, что мог, но судьба оказалась сильнее.

Так зачем же Мэриан приходит каждую ночь?!

Зачем выпивает его силы и душу?!

Она не отвечала. Смотрела своими мертвыми земляными глазами и молчала.

Он не знал, что еще ей сказать...

Стал пробовать всякое... Ложился спать в ином месте, вне шалаша. Она приходила и туда. Он пробовал одурманить себя хоть чем-нибудь, ел на ночь неизвестные ему ягоды и грибы, чаще все кончалось лишь рвотой, но иногда случались сны-видения и сны-кошмары, но Мэриан проникала и в них.

Он пробовал многое...

Не помогало ничто.

А потом помогло... Вернее, помогла... Молодая козочка, назначенная стать Евой его будущих стад и по какому-то наитию названная Мэриан...

Но дело было не в козьем имени, или не только в нем. Поначалу ночные визиты продолжались... Пока он не заметил, что глаза у двух Мэриан удивительно схожие, и еще подумал... Ну да, да, он подумал глупость, женщина не может вернуться в облике козы, но... Но он так подумал. И произошло то, что произошло.

Ночные визиты прекратились. Сразу же... И он решил, что своей нелепой догадкой угодил точно в цель. Он умел изрядно стрелять... Как выяснилось, не только стрелами.

Сегодня вторая Мэриан умерла, чтобы спасти его.

И тут же, не промешкав и лишней ночи, вернулась Мэриан первая.

Визит Мэриан его не расстроил и не разгневал, как случилось когда-то.

Странное дело, он даже немного заскучал по этой, по первой, – пусть и по такой, по молчаливой и с земляными глазами.

Ему было, что ей рассказать, – и он рассказывал до самого пробуждения, все, что произошло за месяцы после последнего ее визита. Много ли увидишь из загона?

Потом, когда почувствовал, что сон развеивается и Мэриан вот-вот исчезнет, он успел пообещать, что восстановит ловчие ямы, и непременно поймает козочку, Мэриан-третью, непременно, так что можешь больше не приходить, скоро встретимся...

Он проснулся.

И понял, что ловчие ямы не восстановит, и никого в них уже не поймает.

Болезнь вернулась. Наверное, она не уходила далеко, а он считал короткую передышку исцелением, потому что очень хотел так считать.

Его бил озноб. Его бросало то в жар, то в холод, он утопал в своем поту, а после стучал зубами так, что с них откалывались мелкие крошки. Он смертельно томился жаждой, но не имел сил доползти до ручейка, струившегося в пяти шагах

от шалаша.

Он потерял счет дням.

Он умирал.

А потом подумал, что умер, но пришла Мэриан, и он догадался, что еще жив.

Он обрадовался ей. И решил, что хорошо бы умереть во сне, когда она рядом.

Плохо остаться последним и умирать одному. Он ошибся, выпустив в лес Гая и зарезав вторую Мэриан, хотя мог умереть в их компании... Он не продлил свою жизнь, но остался один на один со смертью. Последней его надеждой стала первая Мэриан, а может и единственная, у него все спуталось в голове и он не был уверен ни в чем.

Скажи что-нибудь, попросил он тихонько, даже во сне ему стало трудно говорить, и она, конечно же, не ответила, наверное, ее рот был забит землей, как и глазницы, он опечалился, он очень надеялся, что теперь, напоследок, вновь услышит ее голос; он сам бы не объяснил, откуда взялась такая надежда, надеялся и все. Он закрыл глаза в своем сне, чувствуя, что засыпает, опять же во сне, и понял, что сон, пришедший во сне, и есть смерть, но не расстроился от понимания.

Он не умер, он очнулся в шалаше, на ложе из козьих шкур, ему было плохо, в разы хуже, чем до того, хотя казалось, что хуже быть не может, но оказалось, что может, – пока он спал, кто-то подкрался и влил в ухо расплавленный свинец, не просто расплавленный, а доведенный до кипения, и сви-

нец заполнил весь череп, и выжег весь мозг, и побулькивал там, сводя с ума кипящей болью, он раскрыл рот, уверенный, что наружу хлынет раскаленная струя, и почувствовал, как горячее сбегает по подбородку, но то оказалась лишь струйка крови, свинец и боль остались внутри...

Кровь надоумила его, как избавиться от страданий, способ был прост, но грозил адскими муками. Он не смутился: больнее не станет, в худшем случае там, в аду, его муки останутся теми же, так что стоит рискнуть...

Он решил рискнуть, но не смог дотянуться до ножа, хотя тот лежал под рукой...

Впал в забытье, там была Мэриан, но и свинец никуда не делся из черепа, и он не мог с ней говорить от боли, и лишь плакал беззвучно от тоски и бессилия.

Потом он очнулся. Боль ослабла, похоже, свинец остывал. Но мыслить стало очень трудно. Мысли с трудом ворочались в остывающем свинце, с каждым мигом все более вязком и густом. Он забыл свое имя. И все свои многие прозвища тоже забыл, пытался вспомнить и не смог, потом подумал: не важно, он помнит имя Мэриан, и этого достаточно.

К нему явно пришло облегчение, он даже смог дотянуться до ножа, но уже передумал резать свое горло.

Он занялся другим. Вернул мешку, служившему хранилищем воды, его изначальное назначение: сгребал в него и монеты, и кольца, и все золото, что тусклой грудой мерцало у его ложа. Он взял в голову, что проклятый мешок не пускает

его умереть. Основания для такой мысли казались вескими: Мэриан в свои визиты занимала разные места, но не разу и близко не села от золота.

Она не любит золото, не любит, не любит, не любит, твердил он как заведенный, чтоб не пустить в голову другую мысль, но та все равно проскользнула и оказалась гнусна: оставь он мешок на когге или швырни за борт, Мэриан можно было б спасти. Достаточно было прихватить с судна хоть глиняный горшок, хоть железный котел, неважно что, лишь бы годилось для варки мяса...

Он ошибся, и решил исправить ошибку хотя бы наполовину.

* * *

Ближайший утес, нависший над морем, был шагах в двадцати от шалаша и загона. Он специально так разместил жилье: чтобы мимо протекал единственный на острове ручеек и чтобы всегда видеть море. Он надеялся, что если вдали появится судно, он за несколько мгновений добежит до кучи хвороста, прикрытой шкурами, – и немедленно запалит ее.

Он полз туда три часа, волоча тяжеленный мешок. А может не три, он научился неплохо определять время по положению теней, падающих на его поляну, но с тенями случилось странное, и двигались они вразнобой.

Дополз.

Хотел перевалить мешок через край, но передумал и распустил завязку.

Он убеждал себя, что мешок сможет как-то зацепиться за край расщелины, и не канет в глубинах, и жертва ему не зачтется.

Он лгал себе, и знал, что лжет, – он просто хотел еще раз подержать золото в руках.

Он бросал монеты по одной, зачем-то считая, потом сбился и прекратил счет. Он бросал перстни, и кресты, и цепи, и другие украшения, каким-то капризом своей умирающей памяти припоминая каждого бывшего владельца каждой золотой вещи, – не имя, лишь обличье, с именами приключилась беда, свое он так и не вспомнил.

И, бросая, он просил прощения у каждого, кого вспоминал. У тех, кто умер из-за золота от его руки. У тех, кого убили другие, просил прощения тоже. Он не думал, что его услышат, и не верил, что простят, но считал, что делает правильно.

Золото кончилось. Он закрыл глаза. Ничего не происходило. Он пошарил в мешке, но незамеченных монет не нашел. Из шалаша он тоже собрал все тщательно, опасаясь, что вернуться туда не сможет, не хватит сил.

Он вновь сомкнул веки, надеясь вскоре увидеть Мэриан. Иную, без земли в глазах. Но умереть опять не вышло, и даже в забытьи он не впал.

Он понял, что в чем-то ошибся, и зря расточил золото.

Золота не было жаль, но он хотел умереть, и не мог взять в толк, как это сделать.

* * *

Тогда он стал вспоминать – то, что навсегда запретил себе вспоминать, и что не помянул в своих бесконечных оправданиях перед Мэриан.

Последние дни, проведенные на когге перед тем, как тот налетел на скалы у острова. Дни, когда Мэриан отказалась принимать пищу и начала угасать – на острове все лишь завершилось.

Вспоминать было трудно. Он терзал и мучил свою свинцовую память, но многое так и не вспомнил. Например, не вспомнил, как звали третьего человека, оставшегося с ними на когге, – после того, как и мореходов, и Волчьего Сына, приглядывающего за их стараниями спасти судно, буквально смело с палубы рухнувшей мачтой.

Он помнил лицо третьего человека, и фигуру, и все остальное обличье, и даже прозвище.

Того прозвали Малышом, или Малюткой, хотя размеров он был недюжинных, – а вот имя, прибавляемое обычно к прозвищу, никак не хотело всплыть из свинцовых глубин.

Помаявшись, он решил: пусть остается просто Малышом, не это главное.

Главнее другое: куда он дел кошель Малыша?

Поначалу, на когге, сунул в свой мешок, и позабыл, как позабыл все о тех днях.

Натолкнулся на кошель позже, когда придумывал, какой бы сосуд использовать для хранения воды, и решил ссыпать свое богатство из прочного кожаного мешка.

Золото к тому времени потеряло для него значение, а кошель напоминал о запретном, он взял его брезгливо, как дохлую жабу, и откинул в сторону...

Куда?

Куда именно?

Он помнил, что заметил мысленно место... На всякий случай. Вдруг над морем покажется парус, и золото обретет свою цену?

Но память выкинула сейчас странный трюк: он помнил, что запомнил место, а какое именно – забыл.

Он пытал свою память, как инквизитор еретика. Еретик попался упорный, но все же его одолел не то «испанский сапог», не то «Нюрнбергская дева»...

Тогда он пополз, далеко, – до цели было шагов семь или восемь. Затем долго шарил в расселине, раздвигая стебли травы. Нашел. Кошель сейчас и впрямь напоминал на ощупь давно сдохшую жабу, свиная кожа размокла и стала осклизлой от многих дождей.

Он понял, что надо снова ползти, теперь к краю обрыва.

– Бедный Р-р-робин! – сказал хриплый голос наверху и чуть сзади.

Он сообразил, что прилетел Гай, хотел повернуться в ту сторону, но не сумел.

Он пополз, сил совсем уж не оставалось, и Гай сказал очень к месту:

– Бедный, бедный Р-р-робин!

Потом он хотел отпустить кошель над бездной, не в силах метнуть его хоть на полшага, но вспомнил, что не испросил у Малыша прощения, а тот не хуже других. Нет, конечно хуже, и много хуже, но...

Прости меня, Малыш, ты был редкостным гадом даже среди тех исчадий болот, среди коих провел всю жизнь, ты обворовывал своих, и предавал их, а одного из своих даже пытался убить и сожрать, и не твоя заслуга, что у тебя не получилось. Но все же прости меня, мне стоило спровадить тебя за борт, а не пытаться спасти твоим мясом себя и Мэриан, тем более что оно было столь же отвратительным, как твоя душа, и твои мысли, и твои намерения, и Мэриан правильно отказалась. Прости меня, и покойся с миром, костями на дне, а остальным – там, где сейчас все твое остальное, а если частичка тебя живет до сих пор во мне, так она скоро умрет, и за это прости меня тоже.

Кошель полетел вниз.

А он понял, что теперь угадал и сделал все правильно.

* * *

Стояла черная ночь, полная звезд, хотя только что был солнечный день. Он не удивился, он обрадовался, потому что пришла Мэриан, и глаза ее стали чисты – два колодца, бездонные два колодца, куда можно падать всю жизнь; она вновь не сказала ни слова, но протянула руку, и он взялся за нее, и шагнул к обрыву, легко и свободно, и понял, что после краткого мига падения все закончится.

Не закончилось ничего.

Море было как стекло, и отражались в нем все звезды неба, и они вдвоем шагали по морю, как посуху, уходя к горизонту, где звезды морские сливались с небесными; он шагнул легко, лишь досадовал, что давно не придумал такой простой способ уйти с проклятого острова, но досада была пуста и мимолетна, потому что рядом шла Мэриан, а в большем он не нуждался.

Он и вправду всю жизнь любил золото. Золото высшей пробы. Он просто перепутал мешки.

* * *

Тело его лежало все там же, на утесе над морем. И раздавался над ним, словно странная зауспокойная молитва, хрип-

лый нечеловеческий крик:

– Р-р-робин! Р-р-робин! Р-р-робин Локсли! Бедный Р-р-робин Локсли! Где ты был, Р-р-робин Локсли? Куда ты попал?

III. Охота на пролетных гусей

Опаньки... Вновь назревает проблема. И вновь со спиртным. И опять, разумеется, источник проблемы – молодой парнишка. Второй источник проблемы на сей раз не бутылка, а плоская металлическая фляга в руке у парня.

Он не сидит у костра вместе с остальными. Он удалился в темноту, якобы по неотложной надобности, или даже не «якобы», а всерьез, – штаны расстегнуты и агрегат, потребный для исполнения надобности, торчит наружу.

Потом парень задумался: а не совместить ли ему неотложное с приятным? – и достал припрятанную в кармане фляжку. Потом, вероятно, задумался еще: а не прилетит ли следом за приятным что-то диаметрально противоположное по ощущениям?

Много задумываться вредно, процесс заразительный, недолго втянуться и подсесть на это занятие... Парень задумался – и завис. Застыл, словно пародия на всемирно известный брюссельский фонтан, – модернистская версия с таким примерно названием: «Писающий мальчик, решивший тайком бухнуть, но засомневавшийся и позабывший, что делает».

Я стою в темноте и не мешаю раздумьям мальчика. Он меня не видит, стоит между мной и костром, зрачки его не привыкли толком к темноте... Если надумает неправиль-

ное, – тогда, конечно, вмешаюсь.

Не потребовалось... Решил правильно: завинтил пробку, спрятал флягу в карман, привел одежду в порядок и отчалил к костру. Вот и молодец, отстреляешься – заветная емкость еще пригодится.

Выдержав паузу, приближаюсь к биваку, оставаясь за пределами светового круга. Понимаю, что незнаком с сидящими вокруг костра людьми... Вернее, лица двоих или троих вроде бы смутно знакомы, но в прошлом году их в Бежинке точно не было. В позапрошлом тоже...

После первых услышанных реплик все становится понятно и ясно.

Гусятники...

Родственная утятникам охотничья каста, но все же иная.

У них, когда нет возможности для выезда на гусиную стрельбу в отдаленные регионы, возникает при открытии летне-осенней охоты проблема. Вот какая: гуси гнездятся в Ленобласти в глухих углах и в малом числе, да еще, как на грех, норовят выбирать для своих гнездовий заповедники. Зато область лежит на пути сезонных миграций гусей и казарок, на самой, так сказать, столбовой дороге. И любители гусиной охоты стреляют в наших краях пролетных птиц: весной – тянущихся в тундру, к гнездовьям, осенью – возвращающихся на южные зимовья.

Если учесть, что в своих путешествиях гуси делают мно-

годневные «привалы» – отдохнуть, откормиться, набраться сил для дальнейшего пути – то охоты случаются очень даже удачные.

А проблема в том, что год на год не приходится. Иногда в тундре уже в августе ложится иней на растительность и первый ледок на озерца и болотца, – и гуси вместе с прочей перелетной птицей начинают собираться в дорогу. А иногда – как в этом году – лето затягивается, и к открытию охоты гусиных стай нет даже на подлете...

Тогда, конечно, гусятникам, не желающим сидеть дома, приходится начинать сезон с другой дичи. Вот и приехали поневоле в «Бежинское». Но все разговоры у ночного костра ведут лишь о своем гусином увлечении.

– А помните, пару лет назад к моей даче, в Апраксин, за весенним гусем ездили?

– Ну его, твой Апраксин... Гусь там пуганый, высоко на перелетах идет... Волчьей картечью на дурика лупить – это не охота, это профанация, любой дурак шальной картечной зацепит, да еще пойдешь найди потом зацепленного, черт знает куда спланирует...

– Да я о другом... Парамошу помните? Колоритный, однорукий, возле нас вертелся, помните?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.